УДК 316.4.066 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-214-219

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГАБИТУС: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ В ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА

Громакова Виктория Георгиевна кандидат биологических наук, доцент кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Аннотация

В статье обосновывается актуальность исследования механизмов регуляции социально-политического поведения современного человека. В качестве методологического инструмента исследования предлагается концептуальная модель социально-политического габитуса как ментальной конструкции, включающей комплекс практических схем интерпретации, оценивания и действий социального актора, которые актуализируются в ситуациях, имеющих отношение к власти. Акцентируется иерархичность габитуса и рассматривается вопрос о возможности существования в структуре габитуса общенационального инварианта, который может служить основой для интеграции общества. Такой инвариантный габитуальный комплекс предлагается обозначать термином «национальное ядро габитуса».

Ключевые слова: *социально-политическое поведение, ментальная программа, социально-политический габитус, структуралистский конструктивизм, неоинституционализм, социальная практика, интеграция общества, диверсификация моделей поведения, структура габитуса, инвариантное ядро габитуса.*

Настоящий период времени может быть охарактеризован как период социально-политической нестабильности планетарного масштаба. Регулярно в разных странах мира наблюдаются массовые акции протеста, перерастающие в экстремальные столкновения с властью, что нередко ведет к фактической ликвидации государства как важнейшего социального института управления, к аномии и глубокой дезинтеграции общества. Трагичность подобных событий, связанная с их разрушительным влиянием как на социетальные системы, так и на судьбы отдельных людей, обуславливает высокую актуальность научного изучения регуляторов социально-политического поведения социальных агентов. Не меньшее значение имеет понимание факторов, влияющих на поведение субъектов социально-политических практик, и для выяснения механизмов реинтеграции обществ в современных условиях.

Недостатком существующих концепций политического поведения является фрагментарность имеющихся представлений. Следствием фрагментарности является отсутствие четкого понимания механизмов выбора и смены конкретных поведенческих тактик и стратегий социальных субъектов в развитии определенной социально-политической ситуации, механизмов превращения индивидуальных диспозиций и реакций в массовые. Отсутствуют данные о продолжительности эффектов внешних воздействий на специфику социально-политического поведения личностей, социальных групп и общественности: об устойчивости результатов экстраполяции ценностных и поведенческих стереотипов из СМИ, образовательных, досуговых институтов и факторах, определяющих их устойчивость.

При этом устранение перечисленных несовершенств в рамках целостной концепции социального поведения, проясняющей и уточняющей механизмы и рамки сонастройки и коэволюции социетальных структур и процессов самоорганизации социальных практик индивидуальных и групповых акторов, откроет новые горизонты дальнейшему развитию научного знания о социально-политическом поведении. В этом заключается сущность научной проблемы, на преодоление которой направлен теоретико-методологический анализ, представленный в данной статье.

«В целом, в современном научном познании социальное поведение понимается как присущая человеку форма взаимодействия с окружающей социальной средой, опосредованного как ее структурой, так и феноменами сознания самого человека» [1]. Как известно, социальное действие направлено на других социальных акторов, осуществляется с учетом их ожидаемой реакции и неразрывно связано с коммуникативным процессом. Таким образом, характер регуляции социального поведения существенным образом зависит от современного состояния коммуникационных систем.

В силу специфики современных средств коммуникации возможность влиять на поведение социальных общностей уже не имеет жесткой зависимости ни от социального статуса коммуникатора в структуре данной общности, ни от его физической локализации вблизи адресата. Оптические средства связи обеспечивают практически мгновенную передачу информации широким категориям социальных акторов и на значительные расстояния. Другим аспектом современной массовой коммуникации является то, что каждый потребитель, по-своему интерпретируя смыслы передаваемых сообщений, обладает возможностью распространять уже измененную информацию. В результате, информационное поле наполняется противоречивыми сообщениями, а «правила игры осмысливания» [2] множатся и размываются. На фоне такой «информационной аномии» [3] реальная власть переходит к тому субъекту, который получает некоторый кредит доверия у политически активной части общества. Происходит общественное делегирование этому субъекту легитимного права на производство смыслов и, соответственно, к нему же переходит «символическая власть» [4]. Использование власти определяется целями субъекта. Оно может быть направлено как на стабилизацию и прогрессивное развитие, так и на деструктивную мобилизацию. В этой связи, исследователи отмечают высокую теоретическую и прикладную значимость изучения факторов доверия к участникам политической коммуникации [5]. И, если уровень доверия к словам хорошо известных политиков определяется преимущественно основанным на анализе прошлого опыта отношением к их персонам [6], то доверие к сообщениям новых лиц обуславливается иными факторами, связанными с мировоззренческими схемами и социально-политическими экспектациями адресатов. Связывая доверие и обусловленные им поведенческие реакции людей с их ментальными конструкциями, мы исходим из представлений о том, что социальное поведение определяется спецификой субъективной интерпретации, которую осуществляет человек в отношении сложившейся ситуации под влиянием прошлого опыта и текущих социальных взаимодействий [7].

Релевантность сообщений и призывов ментальным программам массового адресата также является важным условием солидаризации множества акторов и, соответственно, интеграции общества. Этим обусловлена необходимость изучения специфики соответствующих ментальных конструкций в тех социетальных общностях, в регуляции социальных практик которых заинтересован исследователь.

В современном научном дискурсе для обозначения ментальных проекций социальной реальности используется несколько концептов. Прежде всего, это концепты культурных архетипов и личностных конструктов. Культурные архетипы, представляющие собой «совокупности архаических образов, ценностно-нормативных ориентаций и установок коллективного бессознательного» [1], не рефлексируются людьми, но при этом, в каждой соответствующей им ситуации активизируются и реализуются как «принудительность, которая, подобно силе инстинкта, прокладывает себе дорогу вопреки разуму и воле» [8].

Личностные конструкты представляют собой альтернативные когнитивные модели, формируемые человеком в процессе жизни, которые лежат в основе идентификации и оценивания ситуации и сознательного выбора варианта социального поведения, представляющегося субъекту оптимальным [9]. Объединяют рефлексируемые и нерефлексируемые внутриличностные конструкции социальных практик концепты ментальных программ [10] и габитуса [11]. Ментальные программы определяются как образцы размышлений, чувств и действий, включающих представления двух типов: рефлексируемые – мнения и нерефлексируемые – верования [1]. Габитус у П. Бурдье – это «система диспозиций восприятия, оценивания и действия», представляющих собой предрасположенности … или осознанные готовности к … поведению, обусловленному предшествующим опытом» [4, 12]. Таким образом, содержания двух понятий практически тождественны. Однако в определении габитуса подчеркивается его системный характер, вследствие чего именно это понятие будет лежать в основе дальнейших методологических построений в данной статье.

В связи с вышеобозначенной научной проблемой и обоснованием актуальности темы настоящей статьи, цель представленной далее разработки теоретико-методологического конструкта научного исследования заключается в концептуализации релевантности структур социально-политических габитусов как основы для самоорганизации социальных практик индивидуальных и групповых субъектов и общества в целом. Соответственно, механизмы интеграции и развития общества посредством согласования социально-политического поведения индивидуальных субъектов в данной статье рассматриваются как объект научного анализа. При этом собственно социально-политический габитус как социально-структурированная система и механизм

регуляции социально-политического поведения является предметом концептуального конструирования.

«Под социально-политическими габитусами в рамках предлагаемой концепции понимаются интериоризованные схемы восприятия, интерпретации, оценивания и действий в социально-политическом пространстве, находящиеся в постоянных аутопоэтических взаимоотношениях с надындивидуальными социально-политическими системами и воспроизводящиеся в структуре социальных отношений» [13].

Наряду со структуралистским конструктивизмом методологическую базу исследования составляет социокультурная концепция П.А. Сорокина, рассматривающая личность, общество и культуру как неразрывную триаду, структурно-функциональная и неоинституциональная парадигмы.

Неоинституционализм постулирует нежизнеспособность транслируемых извне норм и правил, неконгруэнтных сложившимся институциональным системам, с чем сложно не согласиться. Концепция институциональных матриц Г. Кирдиной [14] практически утверждает невозможность трансформации базовых принципов организации социальных отношений в конкретно взятом обществе, а, соответственно, и невозможность принципиальной трансформации габитуса даже в ряду поколений. Однако неоинституционалисты не отрицают эволюцию социальных институтов и обществ вследствие аккумуляции прошлого и текущего социального опыта.

Представляется очевидным, что институциональные нормы, правила и модели поведения, как и их отображения в структуре личностей – габитусы – являются частью культуры общества. В силу неразрывности триады личность-общество-культура изменения одного компонента влекут изменения в других. В свете данного положения социокультурной теории возникают противоречия между представлениями неоинституционалистов о кумулятивной сущности развития институциональных матриц и выводами других современных ученых, например о том, что глобализация сопровождается утратой любых существенных составляющих национальной культуры. Противоречие заключается в том, что полная утрата национальной культуры предполагает и возможность полной смены институциональной матрицы. Выбор между двумя противоречащими позициями определяет теоретическую допустимость или недопустимость навязывания обществу некой модели социальных отношений вне зависимости от социокультурной траектории развития данного общества. Таким образом, осуществление такого выбора в значительной степени определяет направление исследований в области управления социально-политическим поведением.

Обоснованный выбор может быть сделан исходя из ответа на вопрос: присутствуют ли в структуре социально-политического габитуса, представляющего собой механизм структурирования социальных практик, инвариантные и вариативные компоненты или он является полностью подверженным трансформации. Второй немаловажный вопрос: если инвариант существует, то может ли он допускать не одну, а несколько траекторий развития.

Структура габитуса, согласно концептуальным представлениям П. Бурдье, иерархизирована в хронологическом порядке. Причем, глубинные уровни, сформированные под влиянием ранних социальных практик, становятся матрицей для упорядочивания внешних уровней, образующихся под влиянием и для адаптации к текущей ситуации. Кроме того, глубина расположения определенных компонентов габитуса обратно пропорциональна степени его рефлексируемости социальным актором и подверженности изменениям.

Уровневая организация габитуса логически сочетается с понятиями базового и модального типов личностей в антропологии и социологии. Так, характерные черты модальных личностей [15], судя по всему, являются проявлениями внешних габитуальных схем, поскольку они относительно легко рефлексируются и артикулируются, но при этом очень лабильны. Базовая личность [16] – это проявления того, что называется коллективным бессознательным – глубинных структур габитуса, определенных не только и не столько индивидуальным опытом личности, но и историческим прошлым общества. Как отмечают исследователи, «базовая личность» находится в бессознательном и очень мало изменяется со временем.

«Базовая личность», вероятно, определяет базовый социотип и институциональную матрицу общества, которые в различных модальностях упорно воспроизводятся в разные периоды социально-политического развития, несмотря на перманентные изменения и отрицание на каждом следующем этапе всего, что характеризовало предыдущий [17]. Данный факт свидетельствует в пользу существования инвариантного ядра габитуса у представителей одного общества. Такие инвариантные структуры, на наш взгляд, могут обозначаться как национальное ядро габитуса.

Все попытки коренным образом поменять характер взаимоотношений власти в обществе, тип политической системы были и будут обречены на провал. Это связано с тем, что в социальном поведении люди воспроизводят интериоризованные в процессе социальной практики модели восприятия, оценивания и действия [4, 12]. Изменение социальной ситуации вызывает адаптивные трансформации наличных моделей, которые происходят путем корректировки или достраивания габитуса. Но при этом невозможно как появление чего-то принципиально нового, которое никак не было бы связано с прежними практическими схемами, так и «механическое воспроизводство изначально заданного» [11]. Выводы ученых, рассуждающих в таком русле, звучат в унисон с положениями неоинституционализма, признающими эволюционность социальных институтов наряду с кумулятивностью [18].

Необходимость аккумуляции практических схем социального поведения, другими словами – необходимость связывания нового со старым (конгруэнтности), для принятия этого нового обществом, объясняет дезориентацию людей и дезинтеграцию обществ в периоды социальных потрясений, как это было в 90-е годы в России. С одной стороны, «при разрушении модели люди теряют ориентиры, впадают в смятение» [19], с другой, как пишет Е.С. Сагалаева [20], «в ситуации распада единого поведенческого кода одни и те же поступки и действия способны «обрастать» множеством различных интерпретаций».

В то же время, как показывает ретроспективный анализ, на фоне дезинтеграции возникают интеграционные процессы, воссоздающие целостность социальной системы, которая, как уже отмечалось ранее, неизбежно несет в себе ключевые признаки предшествовавших форм организации. Это обусловлено тем, что атомизированное общество объединяется в систему по принципу релевантности моделей социальных практик у разных индивидуумов и групп, т.е. при условии гомологии и комплементарности их габитусов [20]. Гомология – сходство в разнообразии, характерна для габитуальных уровней, сформированных в периоды относительной стабильности, характеризующиеся сходством социальной ситуации для большей части общества, и, соответственно, связана с воспроизведением социальных отношений предшествовавшего этапа в развитии социальной системы.

Сказанное также означает необходимость согласования габитусов для социальной интеграции. И поскольку сходства преимущественно связаны с глубинными структурами – «национальным ядром» – габитуса, то исследование их качественного содержания может заложить основы для разработки научно обоснованных программ по реинтеграции и реабилитации дезинтегрированных обществ, в том числе российского.

Методологическим обоснованием возможности исследования структуры габитуса является такое его свойство, как двойственность, проявляющаяся в участии габитуальных практических схем как в процессах интериоризации, так и в процессах экстериоризации социальных отношений. Соответственно, содержательная структура габитуса проявляется в социальном поведении, а именно в способах интерпретации, оценивания информационных сообщений и событий, в готовностях к осуществлению определенных поведенческих актов в конкретных ситуациях. При этом в качестве признаков, позволяющих отличать глубинные компоненты габитуса от поверхностных (модальных), предполагаются:

- широта распространения в генеральной совокупности;
- упорство использования соответствующих ментальных схем в обсуждениях и дискуссиях по поводу интерпретации и оценки различных социально-политических ситуаций в речи респондентов;
- сопротивление критической рефлексии таких ментальных конструкций даже при выявлении противоречий с провозглашаемой социально-политической позицией;
- связь с моментами спонтанной гармонизации социальных практик агентов, сопровождающейся эмоционально выраженным согласием или несогласием (например, по поводу политических решений или при просмотре художественного фильма).

Таким образом, в представленном методологическом концепте «национальное ядро» габитуса соответствует понятию культурного архетипа и базовой личности, а поверхностные рефлексируемые структуры – проявления модальной личности. Но при этом акцентируется их структурно-функциональная связь, концептуализирующая габитус и социально-политическое поведение как многоуровневые системы и целостную социальную реальность. Проекции «национального ядра» в поверхностные габитуальные конструкции обуславливают необходимость его изучения для осуществления в дальнейшем эффективного поиска путей консолидации социетальных общностей и определяют возможность его исследования социологическими методами.

Литература

1. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.
2. *Lyotard J.* The Postmodern Condition. Manchester: Manchester University Press, 1984. 144 p.
3. *Карпова А.Ю.* Кризисная коммуникация: маркеры информационной аномии в региональном телевидении: монография; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. 220 с.
4. *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87 – 96.
5. *Чупров В.И., Михеева В.В.* Доверие в обществе как фактор преодоления кризиса // Социально гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 237 – 251.
6. *Fiorina M.* Retrospective Voting in American National Elections. New Haven: Yale University Press, 1981. 576 p.
7. *Гришина Н.В.* Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. Вып. 1. С. 58 – 68.
8. *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993. 344 с.
9. *Kelly G.A.* A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory. N.Y., 1966. P. 3–29.
10. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Issues in Psychology and Culture. 2011. P. 8. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context.
11. *Бурдье П.* Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001 г. 562 с.
12. *Шматко Н.А.* "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1. № 2. 1998. С. 60 – 70.
13. *Громакова В.Г., Свечкарев В.П.* Мифологические конструкции в социально-политическом габитусе россиян как проект-модели перманентных форм политических отношений // Инженерный вестник Дона. № 1. 2019. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2019/5662
14. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 24 – 33.
15. *Linton R.* The Cultural Background of Personality. – N.Y.-L., 1945. P. 1 – 26. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2001. Т. 3. Вып. 1. С. 68 – 86.
16. *Kardiner A. and Lipton R.* The Individual and His Society. New York: Columbia University Press, 1945.
17. *Лубский Р.А.* Российская государственность как социальная реальность: монография; отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. 292 с.
18. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18–19.
19. *Ельникова Г.А.* Социокультурная парадигма социологического исследования. Режим доступа http:// конференция.com.ua/ pages/view/705 (Дата обращения: 12.08.2013.)
20. *Сагалаева Е.С.* Идеологическая повседневность: социально-философский концепт и проявление в социокультурной реальности российского общества. Автореф. дисс. … докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015. 67 с.

Gromakova Victoria Georgievna, candidate of biological Sciences, associate Professor, Department of regional sociology and modeling of social processes, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation).
E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

SOCIO-POLITICAL HABITUS:
STRUCTURE AND FUNCTIONS IN SOCIETY INTEGRATION

Abstract

This article substantiates the relevance of the study of the mechanisms of regulation of socio-political behavior of modern man. As a methodological tool of the study, a conceptual model of socio-political habitus as a mental structure, including a set of practical schemes of interpretation, evaluation and action of the social actor, which are updated in situations related to power, is proposed. The author emphasizes the hierarchy of habitus and considers the possibility of the existence of a national invariant in the structure of

habitus, which can serve as the basis for the integration of society. Such an invariant habitual complex is proposed to be denoted by the term "national core of habitus".

Keywords: *socio-political behavior, mental program, socio-political habitus, structuralist constructivism, neo-institutionalism, social practice, integration of society, the diversification of behavioural patterns, the structure of the habitus, the invariant core of the habitus.*

References

1. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshchestve: monografiya / otv. red. A.V. Lubskij. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 392 p.
2. Lyotard J. The Postmodern Condition. Manchester: Manchester University Press, 1984. 144 p.
3. Karpova A.YU. Krizisnaya kommunikaciya: markery informacionnoj anomii v regional'nom tel-evidenii: monografiya; Tomskij politekhnicheskij universitet. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2016. 220 p.
4. Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. M.: In-t eksperimental'noj sociologii; SPb.: Al-etejya, 2007. P. 87 – 96.
5. CHuprov V.I., Miheeva V.V. Doverie v obshchestve kak faktor preodoleniya krizisa // Social'no gumanitarnye znaniya. 2015. № 4. P. 237 – 251.
6. Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven: Yale University Press, 1981. 576 p.
7. Grishina N.V. Situacionnyj podhod: issledovatel'skie zadachi i prakticheskie vozmozhnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16: Psihologiya. Pedagogika. 2016. Vyp. 1. P. 58 – 68.
8. Evzlin M. Kosmogoniya i ritual. M., 1993. 344 p.
9. Kelly G.A. A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct the-ory. N.Y., 1966. P. 3–29.
10. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Is-sues in Psy-chology and Culture. 2011. P. 8. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi? article=1014&context.
11. Burd'e P. Prakticheskij smysl / Per. s fr.: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. SHmatko; Otv. red. per. i poslesl. N. A. SHmatko. SPb.: Aletejya, 2001 g. 562 p.
12. SHmatko N.A. "Gabitus" v strukture sociologicheskoj teorii // ZHurnal sociologii i social'noj an-tropologii. Tom 1. № 2. 1998. P. 60 – 70.
13. Gromakova V.G., Svechkarev V.P. Mifologicheskie konstrukcii v social'no-politicheskom gabituse rossiyan kak proekt-modeli permanentnyh form politicheskih otnoshenij // Inzhenernyj vestnik Dona. № 1. 2019. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2019/5662
14. Kirdina S.G. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. M., 2000. P. 24 – 33.
15. Linton R. The Cultural Background of Personality. – N.Y.-L., 1945. P. 1 – 26. Vpervye opub-likovano na russkom yazyke v zhurnale «Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo». 2001. T. 3. Vyp. 1. P. 68 – 86.
16. Kardiner A. and Lipton R. The Individual and His Society. New York: Columbia University Press, 1945.
17. Lubskij R.A. Rossijskaya gosudarstvennost' kak social'naya real'nost': monografiya; otv. red. YU.G. Volkov. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovaniya, 2014. 292 p.
18. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M., 1997. P. 18–19.
19. El'nikova G.A. Sociokul'turnaya paradigma sociologicheskogo issledovaniya. Rezhim dostupa http:// konferenciya.com.ua/ pages/view/705 (Data obrashcheniya: 12.08.2013.)
20. Sagalaeva E.S. Ideologicheskaya povsednevnost': social'no-filosofskij koncept i proyavlenie v sociokul'turnoj real'nosti rossijskogo obshchestva. Avtoref. diss. … dokt. filos. nauk. Rostov n/D., 2015. 67 p.